

Жены артистов — эпизод 4 из 5

Ты так громко кричишь, что нет возможности не только спать, но даже сидеть в комнате!

Коли захочешь, так заснешь!

Сказавши это, Лай ударил ногой такт и запел.

Зинзага заткнул уши и как сумасшедший выскочил из 101 номера. Пришедши в свой номер, он увидел умильную картину. Его Амаранта сидела за столом и переписывала начисто одну из его повестей. Из ее больших глаз капали на черновую тетрадку крупные слезы.

Амаранта! крикнул он, хватая жену за руку. Неужели жалкий герой моей жалкой повести мог тронуть тебя до слез? Неужели, Амаранта?

Нет, я плачу не над твоим героем...

Чего же? спросил разочарованный Зинзага.

Моя подруга, жена твоего друга-скульптора, Софья

Фердрабантеро-Неракруц-Розга, разбила статую, которую готовил ее муж для поднесения графу Барабанта-Алимонда, и... не перенесла горя мужа...

Отравилась спичками!

Несчастная... статуя! О, жены, чтобы чёрт вас взял, вместе с вашими всезацепляющими шлейфами! Она отравилась? Чёрт возьми, тема для романа!!! Впрочем, мелка!.. Всё смертно на этом свете, мой друг... Не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра, твоя подруга, всё одно, должна была умереть... Утри свои слезы и лучше, чем плакать, послушай меня...

Тема для нового романа? спросила тихо Амаранта.

Да...

Не лучше ли будет, мой друг, если я послушаю тебя завтра утром? Утром мозги свежей как-то...

Нет, сегодня послушай. Завтра мне будет некогда. Приехал в Лиссабон русский писатель Державин, и мне нужно будет завтра утром сделать ему визит. Он приехал вместе с твоим любимым... к сожалению, любимым, Виктором Гюго.

Да?

Да... Послушай же меня!

Зинзага сел против Амаранты, откинул назад голову и начал:

Место действия весь свет... Португалия, Испания, Франция, Россия, Бразилия и т.д. Герой в Лиссабоне узнаёт из газет о несчастье с героиней в Нью-Йорке. Едет. Его хватают пираты, подкупленные агентами Бисмарка. Героиня агент Франции. В газетах намеки... Англичане. Секта поляков в Австрии и цыган в

Индии. Интриги. Герой в тюрьме. Его хотят подкупить. Понимаешь? Далее... Зинзага говорил увлекательно, горячо, махая руками, сверкая глазами... говорил долго, долго... ужасно долго!

Амаранта два раза засыпала и два раза просыпалась, на улицах потушили фонари и взошло солнце, а он всё говорил. Пробило шесть часов, желудок Амаранты ущемила тоска по утреннем чае, а он всё говорил.

Бисмарк подает в отставку, и герой, не желая долее скрывать своего имени, называет себя Альфонсо Зунзуга и умирает в страшных муках. Тихий ангел уносит в голубое небо его тихую душу...

Так кончил Зинзага, когда пробило семь часов.

Ну? спросил он Амаранту. Что скажешь? Не находишь ли ты, что сцену между Альфонсо и Марией не пропустит цензура? А?

Нет, сценка мила!

Вообще хорошо? Ты говори откровенно. Ты женщина, а большинство моих читателей женщины, потому мне необходимо знать твое мнение.

Как тебе сказать? Мне кажется, что я твоего героя где-то уже встречала, не помню только, где именно...

Не может быть!

Право. С твоим героем я встречалась в одном романе, и, надо тебе сказать, в глупейшем романе! Когда читала этот роман, я удивлялась, как это могут печатать подобную чушь, а когда прочла его, то решила, что автор должен быть, по меньшей мере, глуп как пробка... Чушь печатают, а тебя мало печатают. Удивительно!

Не припомнишь ли хотя название этого романа?

Названия не помню, но имя героя помню. Это имя врезалось мне в память, потому что имеет в себе четыре р подряд... Глупое имя... Карррро!

Не в романе ли Сомнамбула среди океана?

Да, да, да, в этом самом. Как хорошо ты помнишь нашу литературу! В этом самом... Твой герой очень похож на Карррро, но твой, разумеется, умней. Что с тобой, Альфонсо?

Альфонсо вскочил.

Сомнамбула среди океана мой роман!!! крикнул он.

Амаранта покраснела.

Значит, это мой роман глупейший, мой? крикнул он так громко, что даже у Амаранты заболело горло. Ах, ты, безмозглая утка! Так-то вы, сударыня, смотрите на мои произведения? Так-то, ослица? Проговорились? Больше меня уж вы не увидите! Прощайте! Гм... брррр... идиотка! Мой роман глупейший?!

Граф Барабанта-Алимонда знал, что издавал!

Бросив презрительный взгляд на жену, Зинзага нахлобучил на глаза шляпу, хлопнул дверью и вышел из 147 номера.

Амаранта вздохнула, но не заплакала и в обморок не упала. Она знала, что Альфонсо Зинзага воротится в 147 номер, как бы сильно ни был сердит.